

Камиле Леонарде

Адам и Ева

Камиль Лемонье

Адам и Ева

«Седьмая книга»

1899

Лемонье К.

Адам и Ева / К. Лемонье — «Седьмая книга», 1899

Однажды он решает покинуть общество и город и поселиться в лесу. Природа заставила его забыть свое имя и свои городские привычки. Растворившись под сенью первозданного леса и вспомнив, что его зовут Адам, он однажды встречает там свою женщину, свою Еву...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Камиль Лемонье

Адам и Ева

Глава 1

Два месяца назад я решил стать человеком. Я ушел со своей собакой и с ружьем в лес. Я слишком много перенес страданий в городе. Друзья от меня отступились. Наследство мое было расхищено. У меня осталось лишь ветхое жилище в этой стране болот и лесов. Сам я в ту пору еще не ясно сознавал происходящее. Все мои несчастья и беды родились из моих ошибок. Я начал жить и мыслить своими собственными силами лишь с той поры, когда стал нищим и вернулся к природе.

Теперь я был одинок и наг, как равнина. Я ходил с моим Голодом под сенью зеленого леса. Странное имя было у моего милого животного. Оно также подходило к нему, как и ко мне. Я спускался под лиственные своды. Я пил полными пригоршнями вино забвенья и тишины. И новый человек тихонько вошел в меня также, как в этот лес вошел неизвестный. И место моей большой души заняла девственная и здоровая душа, которая обратила свой лик к восходу солнца. «Вот, милый Голод, теперь оба мы с тобой, как братья». Я ласкал свою собаку. Обращался к ней, как к самому себе. Мой ясный смех раздавался под деревьями. Я был королем леса, я убивал и гордился этим убийством.

Однажды Голод растянулся на земле, положив на лапы морду и завыл. В глазах у него был тайный огонек. Я видел, что он тосковал по самкам. Я перестал разговаривать с ним, как будто он мне изменил. Когда-то и я страшно любил одну маленькую безумную женщину, которая звалась Диной. Я весело подумал: вот ты развязался с общественной жизнью, стал диким человеком, – и у тебя нет даже женщины!..

Вечером, когда всходила луна, мы возвращались в мое жилище. Прежде, давно уже, отец мой и дяди останавливались здесь на время охоты. Мой пес ложился рядом со мной на ворох листьев.

В конце второго месяца я пришел на лесную опушку. Глухое недомогание лишало меня мыслей. Я долго глядел в сторону деревушек, но не видел их, хотя знал, что они были там. Это было какое-то странное чувство, от которого ноздри мои напрягались. Было ли то желание или мука – не знаю, не могу сказать. Простояв немного с устремленными глазами вдаль, я вернулся в лес. Радуюсь своей силе, я убил двух кукушек, белку и дикую кошку. Снова зеленое вино одиночества опьяняло меня. Я позвал: «Голод, Голод»! И обнимал это животное, как человеческое существо. Я испытывал огромную радость думать, что, быть может, и у него есть душа, как у меня. Я выкрикивал отрывочно нежные слова.

Мой голос испугал меня вдруг, – показалось, словно кто-то еще, кроме меня, говорил под деревьями. Я не думал, чтобы звук моего голоса когда-нибудь причинил мне страдание. Сердечный, добрый друг, ты, Голод мой. Я пристально заглянул в его глаза. Они были влажны и воспалены. В них отражалось мое лицо. Я позабыл его черты. И нежно и грустно я заплакал. Никогда я не любил никого так, как эту собаку.

Каждое утро я делал ножиком черточку на срезанной ветке. Каждая черта означала день. Я не знал больше названия дней. Часы теперь текли ровным потоком вечности. Однако, по старой привычке, я продолжал отмечать время от зари до зари. Так знал я, что целую неделю не был на опушке леса. Мое сердце безудержно билось при мысли, что там, в расстоянии нескольких шагов, были девушки с маленькими упругими персями. Мне стоило лишь перейти равнину. Я пошел бы прямо перед собой до самых деревушек. Ведь ты, Голод, – животное. Ты уже

вздыхаешь, как только услышишь лай собак. Я же господин своего тела. Ни одна женщина никогда не вступит под сень моего леса!

Я сбил дикую кошку. Содрал с нее шкуру, сочившуюся кровью. Потом уснул, подложив под голову ее мягкий мех, хранивший еще теплоту жизни. Звериная шерсть пронизывала мои пальцы жестоким сладострастием, более сладостным, чем пушистые волосы женщин.

Но все-таки я был свободен и счастлив. Мое ружье с избытком доставляло мне пропитание. Я жарил на жаровне вяхирей, кроликов, вкусную, пахучую белку. Голод получал половину добычи. Около моего жилища протекал в чаще ветвей свежий ключ. Если бы время от времени в лесу появлялось какое-нибудь бедное человеческое существо, мне не было бы нужды никому ни в чем завидовать.

По утрам под лучами солнца поднимались с земли струйки испарявшейся ночной росы.

И все то зло, которое мне причинили люди – также рассеялось в легком облачке.

На десятый день мы с Голодом пошли к лесной опушке. Ружье я оставил дома на гвозде, а взял страннический посох. Я не знал, что скажу деревенским пахарям. Может, пожму им только руку и уйду.

Впереди бежал Голод, обнюхивая следы животных, и вилял хвостом. Из чащи порой раздавались то пугливые взмахи тяжелых крыльев глухаря, то встревоженные прыжки убежавшего зайца.

Нет, милый Голод, не сегодня. Не тронь!

Там есть лари, полные спелого хлеба, в котором не слышно запаха тленья. Это была мысль, которая еще мне в голову не приходила. Уже час прошел, как встало солнце. Тонким ароматом сероцвета был пропитан воздух. Припав к липкому соку деревьев, спали тяжким сном мухи. В свежем лиственном покое замерли птицы. Сквозь легкую мглу виднелась обнаженная равнина. И я ясно сознал теперь, что стал другим человеком.

У последних деревьев прозвенел, как жемчужные бусы, чей-то нужный смех.

– Чу, Голод, не пересмешница ли это серая завирушка, или, может, золотой дрозд, или коноплянка?

Неизвестная птичка прочирикала в листве дубов на краю тропинки. Но пес мой не залаял. Он насторожился, а я сжал изо всех сил руками мое сердце. Господи, сколько уже времени я не слышал человеческого смеха.

А голоса стали слышнее и были так свежи, как ветер и журчащий ключ. Их было три.

И один особенно был чист и ясен, почти как голос ребенка.

Мне показалось, что они вдруг побегут и закричат во весь дух: «Там человек! В лесу живет человек!». Тише, Голод! Ступай медленней и смотри, чтобы не задать за сучки и ветки, а то ведь их можно испугать! Да, да, тихо, тихонько, – так будет лучше. Весь лес трепетал в моем сердце.

Их было три. Они сидели в папоротнике. Небольшие корзинки лежали у их ног. Томным движением рук они срывали землянику, и губы их были покрыты розовым соком.

Я подошел ближе, заглушая звук моих башмаков, и впился в девушек глазами. Я был диким охотником, спустившимся в долину за свежей добычи.

Они нюхали цветы душицы, тепловатую кору, испарения утренней воды. От их волос шел запах зари. Я безумно вдыхал эти ароматные тела. Моя рука с посохом безудержно дрожала. То было чудное виденье, далекое, как греза сна.

Я не видел лица той, чей голос был так детски очарователен. Заметил только гибкую округлость ее груди и нежный изгиб ее плеч. В это мгновение она была скрыта от меня, как моя судьба. У двух других в глазах был блеск и смелость. Их груди мерно поднимались под стянутой тканью кофточек. Этим я взял бы и понес на руках в чашу кустов.

И все три продолжали, смеясь, болтать в тишине божественного утра, не ведая, что подкарауливает их дикий, безудержный самец. Тела их купались в тени прохлады, среди жемчужин утренней росы. Порою луч солнца пронизывал золотой иголкой их синеватые и рыжие волосы.

Какая-то дикая сила толкнула меня предстать перед ними с моим пристальным взглядом, в жестокой красоте моих раскрытых объятий. Одна из них, быть может, уже извела любовь. Я стал бы ласкать ее, нашептывать ей слова обольщения. Но я едва переводил дыхание, опалевшее мне рот.

Я не мог вымолвить ни слова сквозь сжатые зубы.

Но умысел мой завладеть ими уже миновал. Трусливая слабость овладела мною. Мой милый Голод выручил меня. Виляя хвостом, он бегал от них ко мне. И я в свой черед двинулся к ним с лукавым видом, небольшими затаенными шагами. Свой посох я бросил в кусты папоротника. Я не походил уже на человека, который в лесу убивал.

Самая смелая из них вдруг засмеялась, и все три теперь стояли вместе и держали в руках по ягодке земляники. Я подумал: «вот эта, наверное, уже гуляла по лесу с другими парнями». Мне не нравилось ее толстое, такое животное лицо. Если бы мне предстояло выбирать, я взял бы третью и увел к себе. Ее лицо я уже знал. Она повернула ко мне свои доверчивые, влажные глаза. Эта чистая волна ее взгляда тихонько проникла в мою обновленную душу. Этот взгляд был иной, чем взгляд женщины. Он был простой и наивный. Как будто она впервые открыла глаза при виде мужчины. И я, казалось, тоже впервые увидел лицо девственницы.

Запоздавший в лесу утренний сумрак рассеялся.

Прохладное утро пришло с голубого востока ее очей. Мне хотелось целомудренно прикоснуться к ее одежде. Я сорвал веточку земляники у ее ног и стал медленно сосать росистые ягоды, глядя на нее. И я сказал ей:

– У моего дома растут ягоды еще вкуснее.

Тогда высокая девушка со смелым видом воскликнула:

– Мы с подругой встали на заре. И мы идем теперь в город наниматься. Сегодня там, на рынке день найма прислуги.

В лесу жил молодой парень, которому приходилось самому жарить на жаровне дичь. Я не знал, как узнать, идет ли третья также наниматься в город. Она заметила, что я глядел на девушку с чистыми глазами.

– Да, да, – сказала она мне презрительно, – эта девочка из соседней с нами деревни. Ей будет трудно наняться. Она едва лишь умеет работать. В прошлом году умерла ее мать. И теперь у нее – никого.

«О, – подумал я с каким-то странным чувством радости, – эти маленькие руки уже шили саван, и теперь она одна одинешенька в жизни, как ты – в лесу».

Она представилась мне нагой. Ее упругие груди трепетали в моих руках. Если бы мы были одни, в моем сердце было бы столько глубокого чувства. Я тихонько положил бы свою голову на ее колени, как больной ребенок.

Они закончили со своими ягодами. Потом подняли корзинки и встали.

Вся моя жизнь словно разбилась, как будто чудное видение потускнело среди очаровательного утра. Самой юной из них я промолвил нежно и лукаво:

– Я бываю здесь каждое утро.

Она приласкала мою собаку и казалась удивленной моими словами. Когда они все три собрались уходить, она обернулась ко мне и проговорила:

– Может быть... шесть дней...

Не уходи! Постой! Останься – я не знаю даже твоего имени. Не уходи! Вернись, вернись, о, юность и красота!

Голод грустно посмотрел на меня и стал обнюхивать свои следы.

Я не знал больше – было ли утро, или ночь. И повторял безнадежно:

– Шесть дней! Запомни же, шесть дней!

Глава 2

Какая насмешка! Я пришел в лес, чтобы жить в нем одиноко и свободно, как человек юной поры земли, а ныне моя радость ушла от меня в синеватой мгле по стопам неизвестного ребенка. На пальцах моих еще остался аромат маленьких ягодок земляники. Словно с ее губ испил я опьяняющее благоухание. Я побрел домой.

Дома я подновил оконные ставни. Весь запах леса ворвался под заплесневевший потолок. Я работал над тем, над другим, не отдавая в том себе отчета. Я делал бы то же, если бы наверно знал, что она должна прийти.

Я не был уже один. Новая, свежая жизнь наполняла комнаты. И смех в сених звенел, как ключ. Порою я долго прислушивался к звуку шагов, доносившемуся из леса.

О, жилище мое не было веселым. Это был скорее дом старика, как в сказке. Я обтесывал молоденькие елочки и заделывал ими щели на крыше. Вечер спустился, когда я устал. И я почувствовал счастливый отдых. Мои руки еще никогда не трудились. Полные сладострастия они погружались в пышные волосы женщин и в густой звериный рык. Они не совершали работы жизни.

При первых брызгах лучей зари я отправлялся в лес. Я не мог бы ответить, какая сила влекла меня по утрам под листву деревьев. Томный сон осенял тенистое ложе папоротников. Влажная тропа вилась по краю просеки. Вся борода моя была покрыта каплями росы. Ветерок еще не проснулся. Неподвижное безмолвие окутывало бледностью зари ивы и березы. Я был супругом земли, тем существом, которое в брачный час идет по дороге встающего утра.

Над вершинами деревьев светилось небо. Розовое облачко, как пятно, выступало на голубом просторе. И со всех сторон доносился до меня шелест листьев, как прикосновение маленьких проснувшихся ручек, и становился все слышнее и слышней. Боже мой! Когда же я видел занимавшийся день перед этим утром надежды! Быть может, там, по синей равнине, шел мне навстречу милый ребенок?

Вперед, мой Голод! Беги, возвещай мои шаги! Я тоже, подобно земле, смотрю, как на востоке леса восходит ясный лик дня. Моя жизнь нежно трепещет. Я подношу к губам первые созревшие за ночь ягодки земляники. Стой! Плотины подняты. Солнце, как огромный поток, брызжет красными волнами. Весь птичий мир поет уже хором хвалебные песни, и первые молитвы уже пропеты. И кровь моя также поет ликующий гимн природе. Мой добрый товарищ твякает и виляет хвостом. Он нашел благоухающую сероцветом тропинку. И я посмеиваюсь про себя. Вспоминается, как у трех девушек губы были испачканы земляникой.

Минует час и минует другой.

Скрипя вскрикивали кукши в высоких ветвях деревьев, глядя на неподвижно стоявшего у края леса человека. Долго в лесу раздавались их дикие вскрики. И человек, наконец, ушел. Он набрал в папоротники цветы шиповника.

Снова я был один с тобою, мой Голод. Теперь я понял, почему у тебя такое имя. Ты, Голод, был символом моей заброшенной жизни. Ты был моим единственным товарищем. Ни одна женщина никогда уже не положит своей ладони в мои.

А потом я принялся чинить приступочки в моем жилище. Одна веточка ударялась о мое крыльцо, и мне всегда казалось, что ко мне стучит бедняк и просит войти.

Откройте дверь, откройте окно, дайте жизни делать то, что должна она сделать! И в простой веточки есть некто, как и в обширном небе.

Так прошел день, и я не убивал. Я слышал, как гонялись друг за дружкой белки в порыве любви среди ветвей дуба, но мне не приходило в голову взять карабин. Я поел черники и алой малины.

На другое утро я снова пошел на опушку. Никто здесь не рвал безлистного шиповника. Сочная, красная земляника была не тронута. Весь ров был залит широким сияньем зари.

Я грезил: «здесь были три девушки». Но больше всего вспоминалась третья. Мне было совсем не грустно. Мне было так сладко! Какая-то томная нега томительного ожидания разливалась в моем существе. Две тучи заполонили небо. Был серый пасмурный день. Все замерло и онемело.

Я пошел обратно в лес рубить дрова. Набрал целую вязанку и отнес к себе домой. Мысли мои были, как небо среди серых туч. Я не мог вспомнить черты лица той девушки, потому что глядел в самого себя. О, я так смиренно касался руками ее одежды, ее маленькой одежды, развевавшейся ровными складками по дорожки. Я был ныне таким бедным одиноким человеком!

После полудня подул прохладный ветер. С неба закапал мелкий дождь. Дождик в лесу, этот небольшой шумок, вырывающийся сначала откуда-то издалека и разрастающийся потом, как торопливый топот толпы, – был одной из моих радостей. Этот шум так тихонько воскрешал в моей душе забытые голоса, бывшие вещи. Мне казалось, что я слышу шаги всех тех людей, которые до меня шли тем же путем и также слышали, как медленно капает дождь в их сердцах. Но в этот день бесшумно и тихо моросило, как этот грустный дождь, в моей душе. Лес угнетал меня невыносимой тяжестью вечности.

Конечно, милый Голод, она не вернется больше! Гнев охватил меня. Я должен был унести ее на руках, как взятую с боя добычу. Её или другую – все равно. Я перекинул карабин через плечо и углубился в лес. У собаки моей вся морда была в крови, когда мы вернулись обратно.

Но она пришла. Это было чудом третьего дня и для меня – первым утром. Я был девственным человеком, который видит, как шествует к нему навстречу жизнь. Всю долгую ночь этого дня я кричал, как страдалец. А теперь, дорогая ночь, я обожаю тебя, обожаю и лес, и тебя, мое одиночество, в котором я терзался ожиданием!

Она пришла с востока. Она ступала крошечными босыми ногами среди влажной прелести утра, и я узнал шаги, которые во сне раздавались вблизи меня по ступенькам крыльца.

Природа была ясна и прозрачна, как в пору лучезарной юности мира. Из врат утра вышла девственница, украшенная ожерельями и запястьями из жемчужин росы.

Отряхни свои ноги, размахни руками, нежное дитя! И пусть твое тело озаряет живым сияньем, освежит перламутровой струей воды бесплодное, пустынное сердце, не выдавшее еще радости. Мое прежнее безумие клокотало во мне, и я плотно сжимал губы, чтобы не дать ему хлынуть наружу. Я уже не знал больше, сколько времени ждал ее. И я молвил ей:

– Видишь, ягодки сегодня еще лучше, чем в тот день.

Ручей и ветер шепчут слова, и смысла этих слов не знают. Они – просты и глубоки, они согласуются с небом и мгновеньем. Я тоже произнес такую же темную и бессмысленную фразу. Но она относилась к ее устами, к заре, к божественному мгновению.

Девушка мне ничего не сказала в ответ. Глядела на румяные плоды и на лес. Не смела сразу взглянуть на меня открыто. Играла корзинкой, которую держала в руке. Мы были друг близ друга неведомыми созданиями, пришедшими разными путями.

Чтобы встретиться с ней, я покинул город. Чья-то рука привела меня в лес. И никто не знает, куда ведут его шаги – вперед или назад.

Ее маленькие груди приподнимали с волнением ее одежду. И, наконец, она мне сказала: – Я уже несколько дней брожу. Уже собрали скошенное сено.

Она непонятно произнесла что-то очень важное, подобное притче. Смерть вытолкала ее из дома. Она ушла и вернулась. Но сенокос прошел. Целые поля, как груды жертв, стояли в пышных копнах среди розовой шири. Но еще не были сжаты ягоды, красневшие в проталинах и овражках. Я сел с ней рядом и сказал ей, показав на собаку:

– Его зовут – Голодом. Только завидев тебя, он уже к тебе привязался. Ну, а я – безымянный. Дерево называется деревом, а я – я просто человек. Я человек, живущий в этом лесу.

Она засмеялась и сказала мне нежно, блеснув своими золотистыми, как пчелки, глазами.

– Ну, а как же я буду кликать вас, если волк заберется к нам в дом?

Нет, нет! ни за что. Я имя мое разодрал зубами. Все в нем была ложь. Даже шепот его был клоакой лжи, и я не слышал этого имени в устах моей матери. Однажды Дина произнесла его нежнее, чем обычно. Но то было в тот вечер, когда она обменялась поцелуем любви с тем, кто был со мною связан братскими узами.

– А вот, – сказал я ей, – если волк будет царапаться у двери, – ты крикни мне: «Друг!» И я прибегу.

Она взглянула на меня недоверчиво, думая, что я насмеялся.

– Я не ребенок, – промолвила она. – Мне исполнилось уже шестнадцать лет этой весной.

– А мне дважды, трижды, четырежды раз столько, сколько лет деревьям этого леса, а ведь даже и самое старое дерево каждый год обновляется своими зелеными почками.

Мои глаза блистали надеждой и юностью, когда я это ей говорил. Я ясно видел, что казался ей каким-то иным, странным человеком, как и сама она после моего изгнания из города была для меня первой божественной женщиной. А вместе с тем предо мной стояло скромное маленькое тельце, рожденное в деревенской хижине... В ней была невинность дня. Она не видела ни добра, ни зла и потому была ближе меня к преддверию Рая.

Мы пошли лесом. Я боялся как-нибудь задеть ее. Я сам был застенчив и неловок, как неопытный юноша.

Дикая яблоня росла у края просеки. Девушка сорвала яблоко. Откусила и поднесла мне, смеясь, как дитя. Откусив кусок этого кислого плода, я ей, смеясь, промолвил:

– Ты со мной сделала то же, что Ева с Адамом.

Она не поняла, что я хотел сказать.

Целое утро зеленых деревьев ликовало в моем сердце. Я был тем, кто встает раньше других людей. На древе жизни висело яблоко. Я взял его в руки. Но я не сорвал его. Я подожду, пока оно созреет для меня.

На пороге моего жилища я ей промолвил:

– Видишь, оно оголено и пусто. Теперь мы будем жить здесь втроем, с этой собакой. Но, если ты не сможешь привыкнуть, я отведу тебя назад, к твоей деревне.

Голос мой дрожал, словно в этот момент я вручал ей всю мою жизнь. Она вошла по ступенькам в сени, напевая песенку, которую, быть может, пела ее мать, вступая в супружеский дом.

– Ах, – вспомнила она, – я позабыла вам сказать. Меня зовут Жаний. Я умею прясть лен. И умею печь хлеб.

Я не думал, что она так просто скажет об этом. Да, теперь ты видишь, – каждое существо имеет право на хлеб, а что ты ответишь, когда она спросит у тебя, где мука? Но я почувствовал вдруг доверие к ней и как-то уверился в ее стойкости.

– Ведь надо только немножко земли, да солнышка, чтобы вырос хлеб, – радостно воскликнул я.

Я взял ружье и отправился в лес, чтобы убить парочку вяхирей. Когда я вернулся, она стояла в сенях и, закрывшись руками, плакала.

– Я тут с незнакомым мне человеком! Никогда уже не вырваться мне из этого леса!

Другой, более разумный человек утешил бы ее обещаньем подарков, но руки мои еще были обагрены кровью убитых птиц. Во мне была дикая гордость человека, дарящего жизнь и смерть по своему произволу.

– Ну что ж, – бери свою корзину и уходи в город.

Она взглянула на меня сквозь пряди своих волос, покорно и робко:

– Нет. Я теперь ваша служанка, – промолвила она.

О, я должен был бы смиренно припасть к ее крохотным ножкам, к ее доверчивым ножкам, омытым росой, с зарею ступившими на путь своей неведомой судьбы. Я вышел из дома. Прислонил лоб к стволу дерева. О, Природа! Омочи млеком соков эту старую гордость! Овей ее свежестью и простотой невинности!

Когда я вернулся, девушка весело напевала, стоя у жаровни, где жарились вяхири.

Я ей сказал тихонько:

– Здесь нет ни господина, ни служанки. Ты, Жаний, и я – оба равны перед лицом жизни. – Вот, что мне надо было бы тогда тебе ответить.

Пурпурное золото рассыпалось кругом над лесом. Шелковистые, липовые ткани одели деревья. Я придвинул стол к дверям. Мы ели, сидя друг против друга в аромате смолы и шафрана, наполнявшем вечерний воздух. Ножик был только у меня и потому только я разрезал куски.

– Видишь, – промолвил я ей, – теперь мы с тобой, как муж и жена на заре земной жизни.

Мое лицо было строго и важно. Я чувствовал религиозное благоговение, словно сам был участником жизни отдаленных предков.

Близ моего жилища ручей журчал созвучьем ясных струй, пробегая по ложу из крупных камней. Он спускался с вершин лесистой горы. Приносил нам отблеск небес и ветвистых дубов, отражавшихся в нем. И душа моя также, как и это волненье, озарилась на миг первобытной жизнью.

То она, то я наполняли фляжку водой из ручья, и вслед за этим она подносила ее к своим губам. А за нею и я пил студеную воду.

Все было просто и естественно, как голод и жажда и все, что исходит из источников бытия. Никто не научил нас этим простым поступкам, и мы бесхитростно воспроизводили деяния предков.

Это был первый вечер, как и то утро, было первым утром новой жизни. Великий мир невинности осенил нас вместе с тенью сумерек.

И ночь скрыла от нас в тени наши лица. Мы не знали, чем были друг для друга. Мы были участниками таинства, которое окружало нас. Быть может, наши души в этот час доверчивости покинули свои телесные оболочки и непонятно глядели друг на друга. Нам не хотелось говорить.

Легкий ветерок, медленный шепот листвы долетал порывами до нас, как загадка нашей жизни. Девушка устало поникла головой, и я видел, что сон смежал ее глаза.

Я сказал ей:

– Я приготовил для тебя, Жаний, ложе из папоротника. Пойди, ложись, пока я схожу в лес. Поручаю тебя моему Голоду.

Какое-то чистое чувство возникло во мне и принудило оставить ее одну, словно она была мне единоутробной сестрой.

Иди же, непорочная Жаний! Отдохни на своей ароматной постели. Под трепетом ветвей с тобою только твой брат.

Я отправился в глубину леса. Я бродил в ночи, вдыхая свежий воздух, и потом вернулся домой. Белая безлунная ночь спустилась над нашей кровлей. И дом, казалось, сладко дышал дыханием ребенка.

Под кровлей таилась торжественная и важная тайна, как сама эта ночь. О, ночь, ты наблюдала за мной, а я был тем человеком, что скрежетал зубами и ржал, словно, жеребец от жаркого запаха женского тела.

Я спокойно заснул на мягком ложе изо мха.

Глава 3

Проходили дни. Я продолжал по привычке делать на ветке нарезки, и каждая полоска означала время от восхода до заката. Так я знал, что прошло уже семь дней со дня прихода Жаний. Я спросил ее:

– Сколько дней ты уже у меня? Ты помнишь, когда ты пришла?

Я говорил ей, как человек, который в прежнее время глядел, как уменьшалась вдали на небосклоне уходившая толпа соплеменников.

– В понедельник, – ответила она, и сосчитала по пальцам.

И в тот же миг пробудилось в ней молитвенное настроение. Она сложила руки, как во время бдения в маленькой белой церкви, когда старый священник приступает к причастию. И, помолвившись немного, она обратилась ко мне:

– Сегодня день Господа Бога.

Ее наивная вера взволновала меня. Забытые образы встрепенулись в моей памяти. Но ей я с нежностью промолвил:

– Любой день – день Бога в природе.

И в этих словах была тоже молитва. Я говорил, словно Бог посетил меня, а ведь до этого мгновения я и не думал о Боге.

Целые дни я проводил в дремучем лесу. По утрам я отправлялся в лес с ружьем. Иногда собака моя покидала меня и без меня возвращалась домой. Тогда я оставался один. Ложился на землю или бродил под деревьями, и одиночество не тяготило меня. Теперь мой лес ожил, словно в нем обитала душа. А мне довольно было того, что Жаний наполняла собой мои комнаты, и каждое движение ее имело для меня свою прелесть и обновляло жизнь.

Я не чувствовал нужным приходить домой до наступления вечера. Мой безмятежный покой струился вместе с ветром, с сиянием неба, с песнью листвы. Порой мое сердце незаметно переставало биться. Я особенно любил сидеть в прохладной тени оврага, где по груде поржавевших камней, среди молодых кустов орешника и золотистых почек дуба – переливался с легким воркованьем ключ, перескакивавший со склона на склон, подбегая к самому порогу моего жилища. Передо мной лучи солнца играли по багряному лицу леса белых елей. Лес вился по косогору, поднимаясь зеленой плотной чащей вершин, окаймленный березами и кленом. Косули шныряли среди кустов с едким запахом своей шерсти. Я лежал, растянувшись на листьях папоротника, у самого края журчащей воды.

Она вызывала во мне воспоминание о росистом смехе зари, который так мелодично звенел под лучами утра. Их было три, три девушки с обрызганными соком ягод губами. О, это было уже так давно! То было, как старый припев легенды. Среди необъятного простора леса жизнь моя и все другие жизни терялись без числа в ясной бездне дня.

В глубине меня тоже струился родник. Легким волнением переливался маленький поток вечности. И я едва лишь мог мыслить в нежной тишине моего существования. Мои ощущения были глубоки, поднимались из глубины существа, подобно потоку соков под корой деревьев и течению вод в недрах земли. Дерево не знает, что живет. Ручьи не ведают, к какой стремятся цели, а вместе с тем, пересекаясь друг с другом, текут по своему назначению, являясь символом согласованности времени и всей тайны жизни.

Я не знал раньше такой сладкой дремы моей силы. То не было радостью, ибо радость деятельна, она поворачивает, смеясь, веселый жернов времен, она бьет молотом ликования по золотой наковальне жизни.

Когда я только вошел в этот лес, жизнь во мне клокотала, как бурный веселый поток. Но ныне во мне была совершенная благодать ожидания, внезапно встрепенувшаяся новая форма

бытия. Я не чувствовал, что живу. Но я был ближе к смыслу своей жизни, чем в дни моей надменной гордости.

К вечеру я убивал из ружья дичь. Синеватый дым вился над нашей кровлей. Еловые поленья горели в очаге, распространяя скипидарный запах.

Я кричал издали: «Голод!» – и другим голосом – «Жаний!»

Ее обнаженные руки послали мне радушный приветливый знак. И, как и в первый вечер, я выносил стол в сени. Зеленые тени входили через окна и наполняли горницу сумраком.

Днем Жаний мыла полы и печку и выдумывала какие-нибудь милые приказания. Пучки душицы и листовня наполняли благоуханьем наше пустое жилище. На столе появилась гладкая дубовая дощечка, служившая нам посудой. Я наделал из корней посуду и чашки, изукрасил их самодельными, грубыми узорами. Как хижина островитян, наше жилище наполнилось незатейливыми вещами, которые нам были необходимы и дороги. Она надумала сплести из ивовых прутьев половики и постелила их при входе. Я вытирал об них пыльные ноги, возвращаясь домой. И я стал понимать теперь, какой красотой дышал скромный ежедневный труд.

Мужчина идет на охоту, убивает дичь и несет её, еще не остывшую, домой. А в усердных руках женщины работа спорится на славу. Эти руки – прекрасные работницы, ткущие нужное и нежное полотно времени. Я лишь начинал познавать неисчислимые источники, которые производит природа. А Жаний они уже были известны. Молодая крапива, листья одуванчика, луговой кресс, щавель, свирбигус и лепестки хмеля были нашей свежей и ароматной пищей. После обеда я уносил стол в комнаты. Мы обменивались братским приветствием, и она шла отдыхать на папоротниковое ложе. А я отправлялся снова в лес.

Однажды с утра пошел дождь и лил до самой ночи. Ручей разлился и взмылился пышной пеной. Надо было устроить заграждение, и я, поэтому, не покидал жилища. Весь день раздавалась песня ручья. Она звенела за окошком, как маленькая птичка, которой хочется влететь, как тоскующая изгнанная душа, которая идет обратно. Вот что говорила мне эта песня: позднее в осеннюю, блеклую пору вам будет обоим так сладко слушать, сомкнувши ладони, жалобный плач и тоскливую песню ручья.

Дождь шепчет такие нежные сердцу слова. Когда пришел вечер, как старый человек, который кряхтит от боли и кашляет дробным звуком, как капли дождя по нашей кровле, – я промолвил ей, смеясь:

– В лес сегодня я не уйду.

Я старался не глядеть на нее, как будто в моих словах заключалась двусмысленность. Таким же тоном я сказал бы ей:

– Сегодня ночью кое-кто постучится у твоей двери...

Я взглянул в ее влажные глаза, и мне стало стыдно, что я сказал ей это со смешком.

Она ответила мне, как честная служанка:

– Я постелю свежий папоротник на полу.

Сказала она просто, без всякого стеснения. А мне в ее словах хотелось найти какой-нибудь иной скрытый смысл.

– Покойной ночи, Жаний! Спи спокойно!

Я застенчиво смотрел теперь на нее. Она не опустила глаз и прошла мимо меня, так же промолвив:

– Покойной ночи!

Запах папоротника усыпил меня. Веки мои сомкнулись под однообразный стук дождя по листьям деревьев. Проснувшись около полуночи, я, прежде всего, подумал, что она лежала у себя, полуобнаженная с девственным и жарким запахом своего тела. Сердце мое забилося, как дверь от порывов ветра.

Огонь сжедал мне спину. О, так близко, так близко! Только одна дверь отделяет маленькое девичье тело от моего прежнего безумия. Выйти на дождь, затаивши, как тать, шаги! Ощу-

тить горячими, влажными руками то место, где выступают ее маленькие перси! Однажды, во время моей охотничьей жизни, дочь одного фермера спала в каморке, рядом с комнатой своих родителей. Я миновал их спальню. Я лег на постель этой черной, зрелой красавицы. Она не вскрикнула. Я обладал ею с пылом насилия до зари.

Милая, маленькая Жаний, спишь ли ты? Не томишься ли ты по моей дикой страсти? Ты раздвинула колени, ты слушаешь и ждешь того, кто спит за другой стороною двери.

Я встал. Вышел наружу, под сладкий шум дождя. Дверь затворялась плохо. Услышал легкое, мягкое дыхание, выходившее из тени, ровные, медленные и спокойные вздохи, как при восходе луны дуновение ветра в лесу.

Это дышало ее существо! Божественная тайна запретного сада ее плоти. Я долго пробыл там, бессильный, как дитя, прислушиваясь к биению невидимой прелести ее тела, убаюканного склонившейся над ее непорочным существом ночью.

Потом я сошел вниз. Мои мягкие шаги блуждали по сырým комнатам. Вот, милая Жаний, если бы на один миг я перестал прислушиваться к твоему легкому непорочному дыханию, быть может, снова стал бы я тем же человеком, который проникал в чужие постели, разъяренный, как жеребец.

Я снова поднялся. Позвал дрожащими губами:

– Жаний!

Она не проснулась. Ее сон шептал над ней, как рой вспорхнувших пчелок, как тишина детской над колыбелью малютки. Доносился лишь звук маленькой волны, которая то вздымалась, то опускалась, и этот звук расходился до края леса, как стремительный поток. И я теперь внимал почти со страхом этому звуку всей глубиной своего существа и никогда я ещё не слышал такого сладкого сна.

Я – как дровосек, уходящий с зарей в лес. Я поднимаю топор, и кровь приливает к моим вискам. Руби сильнее, бей в сердце дуба! Но из дуба слышится голос:

– Смотри, ты ранишь Бога!

И топор выпадает из моих рук, словно этого голоса я не слышал никогда. У меня возникло странное представление. Показалось, будто лес убаюкал ее в своих зеленых объятиях, будто эта непорочная, обнаженная душа спала, как в сказках под родительским оком старых буков. Нет, я не оскорблю тебя, природа!

Я вышел из дома. Вошел в мокрый лес. Заря еще не занялась. И я стоял под широким и нежным шумом дождя с моим диким и невинным сердцем.

Я ощущал усталость, и колени мои отяжелели. Мне хотелось, чтобы Голод был со мной, как в пору моего одиночества. Мне было бы так приятно погладить его теплую, родную шерстку. Но Голод ни на мгновение не покидал теперь Жаний. Никогда не чувствовал я себя таким одиноким. Я был подобен пылкому юноше, еще не знавшему поцелуя женщины.

Заря прогнала тучи. Небо оделось лазурью. Эта долгая, тяжелая ночь покинула, наконец, меня, и земля освободилась. Я вдыхал полной грудью благоухание утра. Аромат тимьяна и смолы разлился вокруг. С деревьев скатывались с бульканьем звенящие струйки на мокрый перегной. Но предрассветная дрема держала еще в своих объятиях жизнь. И сам я не совсем еще проснулся, как после хмельной ночи или после сновиденья.

Ответьте вы мне мои, руки, что было? Те ли вы, мои невинные, омоченные свежим благоуханием руки, что в искушении толкали перед собой дверь и трепетали во мраке? Я был робок и смирен, объятый боязнью за мою бедную, добрую, слабую волю. Ныне мне каждую ночь придется тащиться в лес, как человеку, который ведет за узду дикого животного. Что я отвечу юной девушке, когда она увидит, что я возвращаюсь в мокром платье и спросит, смеясь:

– Не из-за волка ли уж или, может, из-за лисицы вы так рано ушли сегодня из дома?

Да, это волк, Жаний. Он всю сегодняшнюю ночь был около дома.

С порога жилища глядело на меня сквозь мглу раннего утра ее встревоженное лицо.

– Я искала, бегала по всему дому, звала, и никто мне не ответил, – проговорила Жаний. Я опустил глаза и грустно ей промолвил:

– Видишь ли, Жаний, здесь живет очень странный человек...

Мне хотелось признаться ей в любви, взять ее руки в свои. Но во мне сидело столько еще прежней надменности. Слова затерялись в моей бороде. Жаний стала ласкать Голода.

– Милая собачка, – говорила она весело и смеялась своими чистыми белыми зубами, – жернова вертелись, а зерна не смолотили.

Она насмехалась над тем, который тщетно старался смириться. А я смущенный глядел теперь на ее выступавшие под кофточкой упругие ореолы груди и думал: стоит лишь прикоснуться к ним пальцами и она познает любовь. Она не заметила, что мои руки дрожали. И, думая, что я рассердился, сказала мне с детской лаской:

– Если мы с собачкой что-нибудь делаем не так, – то ведь нужно нам сказать об этом откровенно.

Она говорила мне с решительностью, и глаза ее были влажны.

Весь мой недуг, милая Жаний, – от аромата твоего юного тела, более могучего, чем все лесные запахи вместе. Может быть, другой человек ей так бы и сказал. Но, произнеси это я, было бы похоже на то, как если бы в припадке безумия я разорвал на ней платье, и она предстала бы перед моими жадными глазами нагая и полная стыда. Я обмыл, свои плечи и, проходя по комнате, сказал ей тихонько:

– Такой человек, как я, может иногда казаться странным для такой молоденькой девушки, как ты, без всякой вины с твоей или моей стороны.

Порхнул чистый утренний ветер. Она засмеялась и сама теперь предложила, мне свежих вишен в деревянной миске.

– И я тоже встала сегодня на заре, чтобы набрать нам вишен.

Жаний, непорочная Жаний, садись рядом со мной, раздели со мной эти кисловато-сладкие ягоды. От них у тебя такие лиловые пальцы, а я и не заметил. Я внимаю уроку твоего свежего, невинного смеха. Я уже не тот, что хотел прикоснуться безумными руками к упругим кончикам твоей груди.

Глава 4

Я знал, что желание мое, как вода, текущая по склону, все сильнее теперь будет возбуждаться от скрытых прелестей ее тела. И мне не давал покоя вопрос, было ли у нее над коленом родимое пятнышко, как и у той. Дина была последней, которую я любил. Когда в первый раз возникла у меня эта мысль, я пошел и лег в кустах вереска, и целый день мне было не по себе. Ведь, стоило лишь приподнять ее платье, чтобы узнать. Рано или поздно придет время, когда она принесет мне в дар свою маленькую грудь, как принесла она мне спелые лесные ягоды. Но в то же мгновение мозг мой прорезала другая мысль. Если она первая отдастся тебе, то значит, она уже отдавалась другому. Боже, какая мука! Она пришла в лес, и я ведь ничего не знал об ее прошлом. Занималось утро, пробуждалась земля, и кто-нибудь другой, быть может, был уже у нее раньше тебя. Я побежал к дому. Я был слаб, ноги мои дрожали, и какая-то темная сила обуревала меня. Я решил сделать так: приду, позову Жаний и прикоснусь руками к ее груди. Если она, вместо того, чтобы заплакать, засмеется, я скажу ей:

– Уходи от меня! Не умоляй меня именем любви!

И я упал на то место, где стоял. Бил от злости кулаками по земле. Земля, о, земля, заглуши шумом листвы твоей мою изводящую пытку! Я зарывался головой в пышный мох, прислонялся горячим лбом к прохладной земле, к глубоким канавам, наполненным водой, надеясь смыть с моих глаз оскверненный образ девушки. Земля всегда внимает тому, кто ее искренно просит. Словно целый лес в веселый месяц май с его благоуханным дуновеньем, струями нежных песен, стрекочущих в прохладной тени, овевал мое сердце. Я был убогим странником, старцем былой поры, который смотрит через ограду своей обители, как пляшет нимфа, в порывах танца все дальше удаляясь к небосклону. Я был юным супругом Суламифи, идущим по тропе виноградника, благоухающего молодостью и утром. И сначала не узнала она его. «Избранником моей любви будет тот, кто пробудился под пологом ночи. Он идет среди росы и не окликнул еще меня!» Красавица! Я восклицал твое имя и бежал по дороге, как пылкий овен, как жеребенок, покинувший луга. Я узнал по зову моего дикого друга и спустился к нему в виноградник.

Лес слышал, как я томился и пел, словно робкий наивный юнец. Все прежнее брачное человечество трепетало от неожиданных предчувствий, рожденных моими нечаянными шагами. Если я крикну и испугается птичка, – плачь! Жаний тебя никогда не полюбит... И я пошел в дубняк, окликнул кукушку. Милая кукушка мне ответила, и я засмеялся от счастливого предсказания. Однажды лес обручил нас обоих зеленым кольцом. Смейся ныне ты природа!

О, до этой поры я не ведал еще священного смысла жизни. Маленькая ручка постучала в дверцу. Душа моя проснулась от долгого сна и, сквозь светлое сиянье дня, промолвил мне голос:

– Все живущее есть образ мой, и носит черты моей вечной жизни.

И я стал стрелять без радости и гнева. Лес истекал кровью в моих руках. Тогда я вступил, трепеща, с песнью славы в огромный храм цветущей мозаики, озаренный розовым светом свеч под синим покровом времени. То была пора любви. Голуби, как юные девы у прялки, мелодично ворковали. Ловко гоняясь друг за дружкой, белки вертелись вокруг деревьев с коротким кряхтящим звуком. Даже крик курносого черного козодоя раздавался прерывисто и сладко, призывая приобщиться к брачной ночи самку. И рокот и многоголосый звук любви и сочетание, как огромная волна неслась от небес до земли. И я был частицей этой великой, обширной жизни, водяной каплей в потоке бытия.

Сердце мое вздувалось от радости, как тесто. Я сдерживал его обеими руками. Когда я подошел к ручью, я уже забыл, было ли то маленькое волнение от ее существа или я слышал, как била из меня моя пламенная жизнь. Слышалось странное клокотанье, подобное нежному

всхлипыванию плачущей женщины. Не ты ли плачешь, Жаний, в пустой тишине комнат, как и я, от сладкой боли твоего сердца в моих руках?

В чаще листья кружится рой мух и гудит. По кособору играет ветер светлыми пятнами солнечных лучей. И кажется, будто ручей омывает на своем дне небо подвижными лазурными перстами. Жизнь, жизнь, как ты ужасна в своей красоте! Единый атом тебя, что вечный бог. Любая букашка или травинка не дальше от меня, чем я от Бога. Я отойду дальше, я не задену ногою муравья. Я не сорву цветка, куда забралась пчелка. Белки, птицы, все звери лесные, – нежные духи земли – не бойтесь, здесь прошел родной вам человек.

Жаний спрашивала меня, почему я хожу в лес без ружья. Я ответил ей однажды:

– Потому что теперь пора любви, Жаний! А в следующий раз она сама спрашивала меня, смеясь, – продолжается ли ещё моя пора любви? Она говорила об этом, как невинное и простодушное дитя. Она закрыла глаза матери после ее смертного часа. Она знала смерть и совсем не ведала жизни. Глубокая тишина царила в ее юном теле, как утро в лету. И я уже не думал, что кто-нибудь был у нее раньше меня.

Вам покажется странной эта фраза. Кто, внимая ветру и созерцая далекую от людей реку, плакал в глубоком одиночестве оттого, что между ними тайной стоит его грузное тело и вся толща этого тела, – тот найдет в этом, я полагаю, глубокий смысл.

Однажды я пошел в лес. Было утро. Золотистый дрозд, славка – пересмешница и зеленушка высвистывали свои песни. Никогда с такой радостью не вдыхал я пряного аромата ели, ни пахучего запаха косуль, ни могучего пряного благовония дубов, еще не обсохших от ночной росы. Земля разносила благоухание хмеля и пьянила меня, как винными парами. Я стал встряхивать деревья, и с листьев роса окропляла меня. Я склонялся головой и тянулся губами к цветам, чтобы испить блиставшая капли. А капли скатывались мне на волосы и на глаза.

Я шел, как святой старец, с распростертыми руками туда, где были деревья и твари. И порою прислушивался всем существом с небывалой чуткостью. Было так, словно я всеми жилами, глубочайшими каналами моего существа соединялся с потоками земли. Земля входила в меня. И был я сам, как дуб или трава, в которых вступает великое течение, а для жизни нет разницы между травой и дубом. Но внезапно я почувствовал, что, вопреки этому тонкому ощущению, я влачил в себе дряхлого человека и, что это как раз было тем дряхлым, отсталым человечеством, от которого суждено мне было освободиться. Боже мой, ведь такая мысль никому другому среди людей не могла бы прийти в голову! Но одиночество дохнуло мне в глаза свежим дыханием. Утро забрезжило в глубине моих зрачков, так долго пребывавших во мраке. И я подумал:

– Между тобой и за тобой есть ты, как между синим воздухом и кожей твоей есть грубая ткань твоей одежды.

Мысли подобны плетению ткани и, если одна из них испортится, порвутся все, но все вместе они держатся прочно и неизвестно, где одна переходит в другую. Так, мысль рождает другие мысли, а эти мысли сплетаются друг с другом, как части ткани, но не под действием размышления, а в силу таинственного взаимодействия сходств. Нежный ветерок овеивает меня и скользит, и я не чувствую, как он катится по моей коже. Моему телу нужно столько же воздуха и света, сколько и кустам, чтобы пышно расти и цвести, но благодаря покровам одежд, оно не может впивать румяное дыхание жизни. Я познаю истину, лишь когда предстану перед жизнью маленьким и нагим ребенком.

И тот час же я сбросил с себя одежды, и отныне стал нагим, как малый ребенок. Я ходил, как первый человек в юной красоте мира, и ветер ласково и плавно омывал мое тело. Мне казалось, что я не знал себя до этой поры. Я глядел, как на моих руках и ногах играло солнце. Они были плотны и блестящи, как гладкие от воды кремни. Каждая из клеточек моего тела была продолжением вещества сквозь бесконечность времени. Эти клеточки глухо трепетали уже в лоне многих матерей до моей матери. Безграничная непрерывность бытия! Бесконечные

звенья цепи, берущей начало с амебы, первоначальной неустойчивой материи, и доходящей до брачующегося и сознательного существа. Но я изранил это тело в тоске одиночества и не знал, что этим я терзал величественное тело моего поколения в прошлом. Я расточал жизнь на нечистых ложах, а эта жизнь была подобна крови крестных мук, окропившей путь. В невинные годы мне говорили:

– Не гляди на себя, не касайся рукой твоего тела, ибо это срам.

А ныне глядел я на себя без стыда, с благоговейным чувством красоты моих членов. Я понимал, что краска стыда появилась у людей оттого, что они набросили покров на природу. И, прячась друг от друга, чувствовали себя нечистыми. Но сам Бог непонятно наг в мире вещей.

Я стоял под деревьями среди нежного лесного шума, невинный, дрожащий, как перед тайной, которая лишь мне была открыта. Когда с меня упали одежды, они совлекли за собой убогие, мишурные лохмотья ложной мудрости людей. Каждая из этих одежд была, как тень от листвы, падавшая на сверкающий ручей, как плотина, преграждающая глубокие воды, и душа моя также была скрыта. Я не ведал ясного смысла моей жизни.

Так ходил я по лесу с сознанием снова возвращенной первоначальной красоты. Я совершил великое и простое деянье, согласно природе, и, однако, не понимал сначала, что совершал. Быть может, самые божественные поступки именно те, которых не ведают. Все может быть объяснено, и необъяснимо лишь то, что вытекает из вечного и непонятного Нечто, заключенного в нас. И тогда я слышал голоса, которые мне говорили:

– Твое тело есть лишь образ. Оно есть видимость твоей души. Но, если душа твоя или твое тело думает или творит нечто, что составляет тайну для твоего тела и души, чудесная гармония тогда нарушается.

Я пошел вперед и глядел, как на моей груди играли золотые блики дня, как пышные складки туники.

А ныне тело мое жило в полном блеске, – тонкие шелковистые нити, которые его покрывали пушком, трепетали подобно травам и листьям. И алая кровь струясь под моей кожей, как горный ключ, журчала ритмичной жизнью улья. И голоса неумолчно звучали:

– Воспрять, подними чело выше, ходи, полный благодати и силы! Природа наделила тебя прекрасной и благородной формой тела, чтобы она была источником твоей радости и гордости. Эта форма есть аллегория вселенной. Она имеет изгибы долины, – подножие горы горные кряжи. Руно ее волнуется, как лес от урагана. Ее багряная жизнь подобна клекотанью растительных соков.

Я был невинен, как сам лес. Я бормотал слова, которые молвят дубы и птицы. На кончик ветки сел золотистый дрозд и перестал свистать. Другие птицы прилетали также, и все расселись по ветвям над моей тропинкой. Доверчиво глядели они на нагого человека, как в пору райской жизни.

Я вступил в ручей. Он звонко и мирно зажурчал, касаясь моих плеч и бедер: он трепетал, как мягкое, нужное женское тело. Эта древняя вода, казалось, узнала того, кто спустился по холмам к первоначальной поре. И она была такой же вечной, как и я. Она отражала вечность небес и высшей сущности.

– Вот, – думал я, – и тело, и вода, и свет, и ветер – одна и та же тайна. Жизнь моя, сливаясь с водой ручья и деревьями, согласуется с божественным единством мира.

И глаза мои оросились влагой восторга. И внутренний источник заструился как бы ради чуда, ради благовестия высшей правды. Я почувствовал потребность прижать к себе другое существо творенья, другую трепещущую и бьющую ключом жизнь. Я обвил руками шероховатый ствол дуба. Я не мог обхватить его вокруг, и он царил над кустарниками, как век сумрака и листвы. Целый лес появился на свет из его желудей. Он был одним из родоначальников зеленой семьи. И я, касаясь грудью его грубой коры, лепетал без конца: «Божество, Божество, Боже-

ство!» как будто на самом деле божественная любовь была скрыта в сердцевине этого обширного дерева.

Там, внизу, сочли бы это за кощунство. Они замуровали своего бога в капища, они сделали из него уединенного, каменного идола. Они не видели, что храм воздвигся из леса. Но вот, я в этот миг стал бедным, смиренным человеком, отвергшим ложь и внимавшим жизни. Душа моя вспорхнула, как птица из гнезда. С взмахами крыльев жаворонка она парила в румянном просторе, над царством людей. И трепетала от зноя и света. Древняя вера была для меня вдали, как обнаженная пустыня, где проходили караваны предков. А ныне на месте этой долины простирался сладостный сад плодов и вод, текущих под пламенным колесом метеоров. И вещество жизни, как бурная река, разливалось в моем существе.

Прижимаясь к коре губами, я лобызал, как священный дар, это благословенное древо. Из самого сердца древесины, сквозь жужжанье мухи шелест листвы, мне послышался голос, который молвил мне:

– Я – все и везде, и всякая вещь – есть часть моего бесконечного бытия.

Я стоял нагой и полный обожания, как человек юной поры мира.

Это было первым днем просветленья. Другие дни начались от него, подобно тому, как при вращении веялки взлетает сначала одна золотая соломинка, а за нею несутся другие. Я простерся у подножия дуба на мху среди белого утра. Никогда глаза мои не видели еще такой чудной картины. Вблизи лежал большой камень. На него зигзагами вполз уж. Я взял его в руки и прижал к моей груди. По ляжкам моим бегали насекомые. Мне на волосы падал сверху пушок молоденьких птенчиков.

Ева! Ева! Ева! Зачем ты ждешь по ту сторону света? Видишь, здесь ложе из цветов и нежных шелков. Здесь сторожит неусыпное, родное око деревьев. Нас обручит с тобою тень.

Глава 5

Я призывал возлюбленную деву, но она не шла. Желание мое само стремилось к ней и влекло ее за руку в это торжественное и сладостное место. Ева! Я зывал к тебе из глубины моей души, и ты вдруг явилась в блеске своего юного розового тела с маленькими яркими, как заря, персями. Как невинный юный человек я в мечтах расточал мою любовь.

Я познал, что согласно воли Божества нет лучшего в мире, чем две нагие, доверчивые души на лоне природы. Никто еще не сказал мне об этом. Но никакое слово не высказывается, и надо понимать все через самого себя. Каждый человек восстанавливает правду. Я был в своей наготе среди этого леса, как символ. А теперь рядом со мной шел милый ребенок по цветущим лужайкам. И я дал ему в тайне радостное имя супруги.

Иди же ныне, возродившийся человек, которого другие люди назовут безумным!

Я звал Жаний, но из дома мне не ответил ни верный мой пес, ни она. С некоторого времени она искала уединения в безлюдном лесу. Я думал, что она ходила собирать грузди и опенки. Каждое утро она приносила ароматные и мясистые грибы. И синие сливы разносили пряное благоуханье. Орехи нагуливали сочные ядрышки. Лес доставлял нам изысканные яства.

И вот, напрасно проискав Жаний, я подумал, что она в лесу и, в свой черед, пошел под деревья, не переставая окликать ее. Я шел так некоторое время и вдруг услышал собачий лай. В тот же миг задвигались кусты. Маленькая фигурка убегала сквозь чащу кустов.

А я, смеясь, кричал безумно:

– Жаний, Жаний, не надейся убежать от меня!

У меня был какой-то неестественный, жесткий смех. Он звучал, как дорожные камни. Жаркое прерывистое дыхание обдавало мои губы, как в пору охоты, когда горячая добыча была на конце моего ружья. Я бросился через кусты, но они все плотнее и плотнее преграждали мне путь, чем дальше я забирался. Мой Голод скакал предо мной прыжками, направляясь к зеленым портикам леса.

– Иди за мной, я приведу тебя верным к ней путем, – говорила мне мордочка животного.

А я думал:

– Эта насмешливая и холодная девушка пройдет тот же путь, что и другие.

В голове моей стучало, как в барабане.

Взять бы ее за волосы и повалить на траву.

Я бежал за Голодом с прижатыми к груди кулаками. И мы достигли тенистого местечка, где она пряталась. Завидев меня она вскрикнула:

– Не подходите ко мне, вы были моим таким жестоким господином!

Она оттолкнула и Голода, проговорив:

– Я не верю и тебе, ты меня выдал.

Она прижимала руки ко лбу. Ее светлые, звучные слезы, струились из глаз. Моя ярость мгновенно остыла. Я не был больше охотником с кровавым сердцем. Тихонько притронулся я к ее плечу рукой.

– Скажи, какое зло я тебе сделал?

Мне не хотелось уже смеяться.

Ее волосы вдруг распустились и занавесили ей щеки. Я перестал видеть ее лицо. Она рыдала, как маленький лесной источник. Я стоял теперь перед ней с моей тщетной силой, как Адам, глядевшей, как капали, орошая сад рая, сладостные слезы Евы. И не знал, каким бы словом любви ее утешить. Наконец, когда я стал еще нежнее ее упрашивать, она вскрикнула невинно:

– Ты едва лишь взглянул на меня с тех пор, как я в этом лесу.

До этого она еще не называла меня на ты. Ее грудь подпрыгивала от легких толчков дыхания, подобно грациозным скачкам векши. Я сразу не понял, что она хотела сказать. Понял только, что здесь была какая-то тайна. Я отстранил от нее мои руки.

Поднял их, а они дрожали.

Но внезапно воля оставила меня, когда я увидел, как она трепетала в любовной пытке, и тогда я опустил мои руки. Они скользнули вдоль ее руки боязливо застыли на ее коленях. Только впервые я ощутил теперь ее живую форму тела. И покорно промолвил:

– Если ты хочешь сказать, что мало оказывал тебе внимания, – прости меня, прости, как и за то, что я привел тебя, юную, сюда к одинокому человеку, ибо теперь между тобой и другими людьми – лежит этот лес.

Ее пальцы разжались. Она перестала плакать и, остановив свои глаза на моих, наивно ответила мне:

– Если бы ты раньше положил свои руки мне на колени, как теперь, я не сказала бы тебе этого.

Она первая осмелилась заговорить, согласно природе. Ее очи были, как влажные глаза молодой телушки, которая глядит, как волнуется за забором ее царственный супруг. Но смущена не была тем что сказала.

Я был словно неуклюжий ребенок, держа, как яблоко в руке, ее округлое колено. Я нагнулся над нею, прислонил свое чело к ее челу в пламени ее волнистых волос. Влажное сияние ее глаз горело на моей щеке, как капли жгучей жизни. Мы были безмолвны и тихи друг близ друга, и я ей промолвил:

– Видишь, я любовно опираюсь на твое колено и мы, – как новобрачные, как муж и жена!

О, с какой робостью проговорил я это слово, вырвавшееся из глубины моего существа! Словно моими устами промолвило все мое поколение с самой начальной поры. На берегах рек древний человек моей крови также опирался рукой на колена девы и говорил ей:

– Между тобой и мной – только твои сомкнутые колени.

Она обратила на меня свои свежие, чистые глаза, – улыбка набежала на ее уста, как молодая луна в мой первый вечер среди леса. И, опустив мне на плечи руки, сказала:

– Делай со мной теперь все, что хочешь. Я всегда буду твоею служанкой.

Одна благодатная природа научает нас божественным движением. И вот моя Жаний, девственная, как утренняя заря, ведущая с собою хоровод мгновения дня, промолвила мне слово, которым первая женщина окутала под яблонею цепями любви своего супруга.

Я впивал ее улыбку, как свежий сок. Слезы мои орошали ее волосы. Мы оба были первобытными созданиями в чудесном смущении юного желания. Наши нагие души нежно оведал холодок среди лучезарного трепета дня.

Изначальная жизнь залепетала на наших устах.

Как во сне я проговорил:

– Слушай, милая Жаний, моя Жизнь! Я бежал от тебя, но не переставал с тобою быть. Ты была мне ближе, когда тебя не было со мной. Ты была для меня целым лесом с его деревьями и птицами, и я звал тебя именами утра и ночи. Не говори, что тогда уже ты меня любила. Я не мог бы услышать это и не умереть от счастья. Но теперь, – да, промолви мне это, мой сладостный друг, – любила ли ты уже меня в ту пору, когда я с расширенным сердцем в руках углублялся в сумрак леса, чтобы внимать, как ты смеялась в журчании ручья?

Она удивилась. Ее брови хмурились по-детски.

– Не знаю, что ты хочешь сказать, – произнесла она. – Да и то, о чем ты говоришь, – для меня, как сладкий плод. Когда ты пришел, моя грудь поднялась, – ничего я больше не знаю.

О, да, да, Жаний, именно это! Твоя упрямая грудь с холодными и острыми концами под твоею кофтой, словно молодая, апрельская почка!

Прохладная тишина оведала нас. И совсем не было ветра, только легкий ветерок дыхания из наших грудей. Мне казалось, словно я слышу, как вертится в глубине ее существа багряный жернов. И сказал ей:

– Ты пришла ко мне, как что-то маленькое и детское, родившееся из моего желания. Я зывал к тебе из глубины моей души, и ты явилась.

Она взяла пряди моей бороды и стала завивать их на палец.

– Ты, – проговорила она, – был высокий и крепкий, как дуб. Я совсем не представляла, как бы ты стал когда-нибудь меня обнимать.

Кристально ясные слова срывались с наших уст. Из глубины наших душ вырывался, словно легкий шумок земли, орошенной дождем. И опять моя рука витала над ней со страхом и безумным желанием ее невинного тела, словно царила неподвижная, ширококрылая птица с мягкими, гибкими перьями. Я был, как тот, кто видит разверзающийся перед собою божественный сад Эдема и стоит, пораженный, при входе в него. И между нею и мною любовь была теперь, как религиозный запрет. Жаний вручала мне свое тело и с собою – всю жизнь своего племени. А там, во мгле веков, Божество, как сеятель, простирало свою десницу.

Я замер на мгновение, глядя в ее необъятные очи, с рукой раскрытой, словно над глубиной обширных вод, над головокружительной бездной времен. Меня обдало вдруг горячим запахом ее юной силы, и сила моя дико прорвалась наружу, – я познал вкус ее уст. Это было первой раной. Ее глаза погрузились в забвенье, она казалась только тенью в бледный рассветный час, а я повис на ее холодных губах, как на разбухших виноградных гроздьях.

Ее жизнь угасла, замерла и снова родилась. Я чувствовал, как тело ее бьется от безумия и муки.

И она вскрикнула:

– Ты сделал мне больно! Я ненавижу тебя!

И в то же мгновение исчезла в лесу.

Тщетно звал я ее до самого вечера. Взошла луна. Я видел ее маленькую тень на дороге около моего жилища. Вся она была заткана розовым сиянием молодого месяца. А я в этот вечер, страшась своей дикой любви, вернулся медленным шагом к прохладному благоуханью кустарника, где касался пальцами ее колен, умятая трава хранила гибкие очертания ее тела. Сердце мое разбухло, как бобы от тепловатого дождя тела. И я тихонько рыдал под ясным миганием звезд.

Глава 6

Мы шли с Жаний к деревьям. Был снова вечер. В необычайном очаровании мгновенья мы ни о чем не говорили. В недрах наших душ трепетало что-то могучее и глубокое, что выразиться не могло. Луна поднималась. Она была молода, как и луна нашей жизни. Ее тонкий розовый серп серебрился блеском нитей в прозрачной ночи леса. Бледно-мшистое сиянье устилало тропинку, по которой мы ступали. Очертания наших тел застыли, как виденья в смутном шелковом воздухе. Но я чувствовал, как лихорадочно колебалось тело Евы рядом с моим среди торжественного и благодатного вечера. Трепетанье ее глаз оживлялось и угасало, подобно рождению и агонии звезд. Ее томление роднило ее со стыдливой, расцветшей луной. Я был там с этим ребенком, как человек, которого ведет куда-то неведомая десница.

Долгим трепетом обдало ночь. Листва заволновалась и, казалось, простерла над нами складки своей волнистой туники. В таинственных узорах тени мы стали лишь двумя не знающими друг друга теньями, идущими к жизни. Я перестал видеть лицо Жаний. Там, в высоте розоватая кровь первого сияния – иссякла, исчез и сад роз ясной и девственной луны. Как юная супруга, холодная и чистая, она опустилась на ложе неба. И снова больной взор девушки обернулся ко мне.

Мы шли так, пока не достигли края опушки. И сели там, среди голубого трепета ночи. Как и впервые, я опустил свои руки на ее колени. Она была, как покорная вечным и неизменным предначертаниям супруга, и не противилась стоящему за дверью жениху.

Великий мир окутывал нас, – нас осенила тишина сонма предков, словно затаясь, стоявших за стволами деревьев, приложив в знак молчания палец к губам. Нас пронизала божественная рана, мы не знали, живем ли мы еще или уже наступила сладостная смерть, как освобожденная от мук вечная жизнь.

Из первоначальной клетки жизни, из непрерывного существования живого вещества пробудилось в безумном трепете все прежнее человечество, опьяневшее в таинстве брака и ранее меня разбившее печать девственности ее колен. И, словно расплавленный в горне металл, словно золото и железо, истолченные в тиглях, застонала и вскрикнула кровь в высшей скорби. А я долго и долго целовал ее в губы и, обняв ее маленькую грудь, промолвил:

– Видишь, я положил мои руки на твои колени, а теперь обнимаю твою грудь. Я заслужил тебя моим долгим желанием.

И расстегнул ее кофту. Губы мои жадно прижались к ее груди, словно ребенок, припавший к материнским соскам. О! Это тоже было символом, как тогда, когда я ступал нагой под деревьями леса.

Сначала пришел человек, потом ребенок утолил жажду жизни там, где человеку испил любовь, и всякая грудь есть начало соска.

Мы были на опушке под чистым сиянием звезд, как в невинную пору земли. Тогда человек также шел с девой в лес. Они не были отделены от окружающей их жизни, и само тело считалось таинством. Я сказал Жаний:

– Вот ты теперь Ева, а я Адам. У нас не будете иных имен.

И я вошел в кустарник. Нарвал там кислой вишни я положил ей в руку.

– Этот лес и плоды этого леса будут впредь твоими так же, как я посвящаю тебе здесь эти румяные ягоды.

Она отвечала:

– Вот мои губы и вся моя жизнь.

Ничего другого она не сказала. Мы были взволнованы и суровы при этом обмене взаимными жертвами, простыми и прекрасными, согласными с природой.

И снова она прижалась ко мне со своим больным взглядом и проговорила:

– Дорогой мой, если есть еще что-нибудь, чего я не знаю, поведай мне, чтобы никто другой уже не пришел после тебя.

Я понял, что она поистине была девственна, ибо я сначала поцеловал ее в губы, потом коснулся колен и обнял ее маленькую грудь, – а она не знала о высшей жертве. Видишь, Ева, я – тот же яростный человек, убивавший зверей и любивший распутных женщин, – а теперь мои руки дрожат от слабости, касаясь края твоей одежды.

Я толкнул ее, и, почувствовав на своем лице мое горячее дыхание, она застонала:

– Каким ты кажешься страшным.

Да, во мне клочкотала дикая радость льва и мрачная, неистовая ярость человека, вынырнувшего из бездны к жарким самкам человечества. Мои руки были мягки, убийственны и сумрачны, как у того, кто вступает в капище идола. Божественный мрак закрыл ее глаза над образом нежным и гневным. Я коснулся ее тела. Она выпрямилась и застыла. Ее раненная жизнь замерла в крике, от которого содрогнулся весь лес. – Ева! Ева! Ева! Ева! – Я вызывал ее так из мрака теней, тысячекратно целовал ее имя на ее холодных губах. И вот, как воскресшая душа, она впервые произнесла:

– Адам!

– Ева!

– Адам! Адам!

Наши имена перелетали с уст на уста, как сама наша счастливая и воздушная жизнь.

Мы покоились на влажной груди земли, под сонмищем чудес. Ночь пряла серебряные и шелковистые нити. Низвергался рой метеоров, катились страшные колесницы. Луна разливала потоки молочно-белой воды на хрупко-нужные цветы. Ты, Ева, также была с твоими истомными и лучезарными глазами цветком в саду жизни после прихода садовника. Но никто нам не приказал:

«Идите же ныне с золотыми кольцами к священнику».

Там в лесу тихо веял ветер, и листья мягко колебались, словно благословлявшие руки.

Глава 7

Два первобытных, божественных существа блуждали по летнему лесу.

Твоя маленькая грудь, Ева, словно склон долины. В складках твоего тела извивы горного русла. В твоих волосах гибкая и кудрявая листва березы. Но моя рыжая и вьющаяся борода разливается, подобно огромной куще дубов. Я не знаю ни твоего имени, ни своего. Быть может, я некогда был вождем племени среди пустынной равнины. Ты была в ту пору обетом жизни, дремавшим по ту сторону ночи. Я есмь день, медленной поступью пришедший по аллеям тишины. Я – охотник, чья алая стрела пронзила тени. Свежее дуновение бессмертия обдало юностью наши поцелуи. Каждый из нас – первый, и то, что ты мне даешь, ты мне еще не отдала вполне. Ты – яблоня в саду, и от каждого упавшего яблока родится новое. И я вкушаю зеленый плод твоей девственности. Я не думал, что уже сорвал его.

– О, милая моя Ева, я никогда бы не кончил впивать всю любовь, которая таится в твоём едином легчайшем волоске. Как осторожный рабочий расщепляет золото парчи, я возьму твои волосы и стану отделять волосок от волоска и называть твоим божественным именем. И буду глядеть, как растёт белоснежная роговинка твоих когтей. В каждом из этих прекрасных чудес ты будешь снова возрождаться предо мной, неведомая и девственная.

В сладком безумии я говорил ей это.

Мы уходили с зарей и не любили больше жилища. В лесу были нежные покои. Пышные буки вливали в нас чистую гордость возрождения человеческой судьбы. С изумленным восторженным движением она обнажала свой юный стан.

– Видишь, как груди мои округлы. Может быть, мой милый, во мне уже дитя?

Милая Ева, это любовь поднимает твои перси, но это ещё только любовь.

– Нет, уверяю тебя, – говорила она, – это другое. Я чувствую усталость. Я едва переступаю.

Я брал её в охапку. Она обвивалась руками вокруг моей шеи, и я ходил с легкой ношей её нежного тела в руках. Она благоухала соком растений и свежестью утра. Её волосы разливали запах спелой шелковицы, который меня опьянял. Из глубины её зрачков излучалось сияние, как из капли воды. Тихим ласковым голосом она мне говорила:

– Ты сильный и рыжий, как бык.

Но не поэтому в её глазах светился лукавый отблеск смеха. Она, ведь, думала:

«Он уступил мне. Он послушен и ласков, как ягненок».

Я притворился, что не заметил её хитрости. Я с наслаждением вкушал горячий трепет её жизни у моей груди. Вдруг она разжала пальцы.

– Там в деревьях пела птичка.

И пустилась, как козочка, быстрыми прыжками бежать.

Я разыскал её, спрятавшейся в кустарнике. И я понял тогда, про какую птичку она говорила. В наших душах пела эта птичка, словно жаворонок с орлиными вскриками.

Однажды она попросила меня принести ей цветок, который рос на дне оврага, совсем заросшего терновником. Я спустился в овраг. Руки и ноги мои были изранены. Но там росла одна дикая ежевика. Я сказал, возвратившись к Еве:

– В овраге нет цветов.

Из пальцев моих сочилась кровь. Она смыла её концами своих губ и промолвила потом с диким и нежным смехом.

– Самый прекрасный цветок расцвел из твоей любви.

Это было лишь милым иносказаньем: я понял, что она меня хотела испытать. Её забавляло оплетать меня легкими цепями своей наивной тирании. Я вошел в чащу куста, – и она была шиповник. И обменяла свои розовые лепестки на каплю крови похитителя. Так испыты-

вают себя два объятые любовью сердца, как косули на лужайке. Я шел по высокому, старому лесу с трепетавшим телом Евы в руках. И я положил ее на мох. Она сказала мне:

– Скажи, я красива?

Ее одежды медленно соскользнули, и она была безгрешно нага под градом моих поцелуев. Листва серебристым трепетаньем оведала ее плечи. Туника с узорами зубчатых лепестков и плетением ветвей словно разведалась от ее движений. И лес любовно обвивал кольцами и ожерельями ее стройный стан молодой березки.

В застывшем восторге глядел я на этот цветок земли среди прозрачного воздуха. Я был, как слепец, вошедший в храм, и внезапно отверзший очи, озаренный вышним чудом.

Каждая крупинка твоего румяного тела, моя милая Ева, есть – красота, каждый сосок шелковой ткани твоей плоти – есть как бы семя человечества в отражении вечности, где таятся зародыши вселенной. Ты стояла там под сводом деревьев с твоим нагим, как цвет меда, станом, а я глядел на тень холмов и впадин твоего тела, струившуюся, словно дождь тончайшего песка, словно воздушные потоки лазурного пепла. В ясной эмали твоих лучезарных очей отражался зеленый ветер леса. Я не смел от детского страха бесконечно ощущать чуть видимое волнение белоснежного трепета твоей утробы, румяное вздрагивание твоего существа, словно это было лишь одним чудесным виденьем. Моя рука, как прежде, на мгновение застыла в воздухе, кидая маленькую бледную тень на твою колебавшуюся грудь. И я промолвил тебе:

– Видишь, моя рука простерлась над глубиной твоего существа, как будто я держу в ней звучные удары твоего сердца.

Может быть, ты чувствуешь, что она, как тяжелое и легкое бремя тени, все сильнее окутывает твою дорогую и лучезарную душу.

Она смеялась:

– Твои уста, как нужные удары, опускаются на мои поднявшиеся перси.

Я закидал ее ласками моей дикой, нежной любви. Я любил ее с яростным пылом властелина, с девственным и набожным волнением. Она познала воспаленный гнев жеребца и ласку наивного ягненка. Она дрожала при виде моих грозных зрачков, а они мягко окутали ее синей ночью леса. Только я один трепетал.

Разве не было предписано человеку развернуть все формы познания, ради неопытного желанья супруги? Каждая из этих форм есть аналогия таинства сеяния, запашки и жатвы. Самая невинная крестьянка знакома с порою, когда бешено воет бык, когда жалобно блеет овца, когда округляется вымя, подобное молочному цветку.

За вешним ветром по равнине пронеслось грозное лето. Цвет осени созрел для сурового покоя зимы, – любовь создания есть лишь символ, согласный с извечным ритмом бытия. Я вступил в сад Евы, как неистовый похититель начала жизни, как охотник, предшествуемый лаем псов. Моя необузданная и иссушенная любовь плакала, как свора псов. Гордость жизни в эту пору взывала в моей похотливой крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.